

Посвящается:

*Всем, кто ждет своего часа,
чтобы взлететь, — будьте сильными.
Ваше солнце скоро взойдет.*

Краткое содержание:

«В таких местах, как это, девушкам типа тебя не особо рады, так что опусти голову и старайся не привлекать к себе внимания».

И это слово в слово то, что сказала мне мой социальный инспектор, высадив меня у очередного гадюшника — пристанища для «трудных подростков».

Я не послушалась, и они заметили меня.

Они хотят, чтобы я играла в их иерархические игры и заняла подходящее, как им кажется, мне место.

К несчастью для них, я не привыкла следовать правилам.

К несчастью для меня, они намерены сделать все, чтобы заставить меня подчиниться.

Их почитают, как королей. Они невероятно привлекательные... это парни из Брейшо-Хай.

А я — та, что встала у них на пути.

Глава 1

Рэйвен

Уходи отсюда.

Двигай ногами, убирайся из этой дерьмовой столовки и покури травки. Расслабься.

Точно, именно так я и сделаю.

Я почти дохожу до двери, почти вырываюсь на свободу, удаляясь от ненужных мне проблем. Но их, похоже, никак не избежать.

Вся моя жизнь — проблемы. И как только я заносу левую ногу над порогом, чтобы наконец-то выйти в открытую дверь, эта овца решает, что она еще не все сказала, и открывает рот. Снова.

— Какой же надо быть *потаскухой*, если даже собственная мамаша-шлюха выставила ее за дверь за то, что она переспала с ее новым мужиком!

По столовой разносится смех, становясь все громче и громче. Он сжимает мое горло, как руки моей матери, когда она в очередном припадке душит меня до тех пор, пока я не начинаю терять сознание.

Я застываю на месте.

Глаза застилает туман ярости, и с моего лица спадает маска деланого спокойствия, которую мне с таким трудом удавалось сохранять все это время.

— Ты трейлерная шваль, сука!

И снова смех.

Это становится последней каплей.

Ну почему им вечно нужно давить до конца?

Прежде чем кто-то успевает остановить меня (да и никто особо не старается), я хватаю с ближайшего стола поднос и одним быстрым, молниеносным движением со всего размаха бью ее наотмашь по лицу.

Дешевый красный пластик ломается от удара об ее голову, и вокруг меня раздаются оглушительные вопли.

Изо лба языкастой стервы льется кровь, она визжит и с ужасом смотрит на меня. Наши взгляды встречаются, и я пинаю ножку ее стула. Ее глаза в панике расширяются, и она падает на пол.

У меня не остается времени, чтобы сбежать, да и особо некуда.

Люди кричат, но никто не осмеливается приблизиться ко мне. Работница столовой зовет на помощь, и тут все бросаются к этой твари на полу, потому что она «жертва». Согласна, я первая полезла в драку, но заварила эту кашу она. Сама нарвалась.

Не начинай того, что не можешь закончить.

Хотя да, плевок этой стервы попал точно в цель: моя мать — шлюха. Самая грязная шлюха в мире. Самое nasty отребье из трейлерного парка, и я это признаю.

Но этой девице не стоило говорить об этом.

И уж точно я ни за что не позволю ей унижать меня вот так, при всех.

Сама не знаю как, но моей пропащей матери удалось научить меня одной вещи — никогда не терять чувство собственного достоинства.

Похоже, это единственное, что остается такой девчонке, как я.

Так что лучше ко мне не лезть.

— В мой кабинет! Сейчас же! — раздается визг директора Фолка. Он не называет меня по имени, не смотрит в мою сторону. Да и зачем? Как всегда, я застигнута на месте преступления, так сказать, и моя рука все еще сжимает половину подноса.

Как только начали звать на помощь, он, наверное, сразу понял, кто виноват.

Я бросаю поднос на пол и иду напрямик в свой второй дом — кабинет директора. Там меня ждет дешевый деревянный стул с бордовым сиденьем, разорванным в самом центре, который стоит напротив директорского стола.

В понедельник он сказал мне, что это «последнее предупреждение», но вчера меня застукали с сигаретой за спортзалом, и я все еще здесь. Сегодня четверг.

Может, сегодня он окажется в хорошем настроении и простит меня?

Нет, вряд ли, потому что сорок пять минут спустя директор залетает в кабинет и, с грохотом сев за стол, впирается в меня злобным взглядом поверх своих маленьких очков.

А злится он наверняка из-за того, что та шавка, которая, может быть, все еще истекает кровью на белоснежном полу столовки, приходится ему племянницей.

Ну, накосячила.

Сузив глаза, директор окидывает меня взглядом, задерживаясь на слишком обтягивающем топе и рваных джинсах.

Тут я усмехаюсь, решив немного подразнить его.

Этот чувак может говорить или делать что угодно — хуже всей той херни, что происходит в моей реальности каждый день, все равно не будет.

Сжав руками край сиденья, я наклоняюсь вперед.

— Давайте же, мистер Фолк, не томите меня.

Директор невольно бросает быстрый взгляд на вырез моего топа, и его зрачки чуть заметно расширятся.

Мужчины! Никакого самоконтроля.

Ха, и это я тоже уяснила благодаря моей мамаше.

— Очевидно, вы не хотите учиться здесь, мисс Карвер. Каждый раз, когда я выношу вам предупреждение, вы лишь усиливаете ваши старания.

Мои губы медленно расплываются в улыбке, и он, покашливая, отводит глаза.

— Это уже третья ваша школа за последние восемнадцать месяцев, и вам повезло, что вы у нас задержались.

— Правда... *мистер Фолк*? — Я снова откидываюсь на спинку стула. — Уверены, что не...

— Прекратите! — Сердито посмотрев на меня, директор вздыхает. — Все очень серьезно. Теперь к вашей персоне приковано внимание всей школы. Я не могу замять это дело.

Я закатываю глаза.

— Давайте уже покончим с этим. Что дальше?

Директор несколько мгновений пристально смотрит на меня, а затем, сложив руки, наклоняется вперед.

— Я кое-куда позвонил.

Я, прищурившись, впиваюсь в него взглядом.

— Ваш социальный работник...

— У меня *нет* социального работника.

— Конечно же, есть. Она связалась со мной пару месяцев назад и...

— *Месяцев?*

— Рэйвен, послушайте...

И в эту самую секунду секретарь впускает в кабинет темноволосую женщину в слаксах и блузке. Она подходит к столу и пожимает директору руку.

— *Мистер Фолк*, меня зовут Мария Вега.

— *Мисс Вега*, большое спасибо, что так быстро приехали.

Они одновременно поворачиваются в мою сторону.

— Привет. — Женщина с фальшивым радушием машет мне рукой, с любопытством оглядывая меня с головы до ног и натянуто улыбаясь. — Вы не против немного поговорить?

Я даже не собираюсь отвечать ей — я могу делать или говорить что угодно, это ни на что не повлияет: она уверена, что уже знает обо мне все.

— Мы с *мистером Фолком* были на связи весь этот семестр. Он рассказал мне о вашей ситуации дома и о проблемах в прошлом, так что в этот раз мы подумали,

что лучше всего будет забрать вас из-под опеки вашей матери.

Мне не удастся сдержать смех.

Она сказала: «Из-под опеки вашей матери». *Как же!*

Женщина пристально смотрит на меня и, не дождав-шись ответа, вздыхает, быстро перестав притворяться милой и заботливой.

— Послушайте, я все понимаю. Вам все равно, что я собираюсь сказать, ладно. Но мы *забираем* вас из вашего дома! Я отвезу вас туда, чтобы вы могли собрать свои вещи, а потом нас ждет однодневное путешествие до вашего нового жилища. Там все будет по-другому, учитывая ваш возраст, но зато вы будете в безопасности.

— Да ну? Они пекут печенье и поправляют одеяло, укладывая в кровать? Или это входит в обязанности мужа, который ночами прокрадывается в спальни девочек?

Женщина с подозрением смотрит на директора, и мистер Фолк вздыхает.

— Вы что-нибудь хотите нам рассказать, мисс Карвер?

— Ничего такого, о чем вы будете переживать.

Ее взгляд останавливается на маленьком, почти незаметном шраме под моим левым глазом.

— Уверены?

— Да. — Я вскакиваю на ноги и подхожу к ней. — Буду ждать вас на улице.

— Вы подождете здесь, если, конечно, не хотите встретиться с родителями той девушки, которые стоят прямо за этой дверью.

— Как будто мне есть до этого дело.

Я обхожу женщину и выхожу в приемную, где сидят любящие мать и отец той маленькой сучки, которая не умеет держать язык за зубами. Я смотрю на девчонку, потом на ее родителей, а они смотрят на меня, и по их взглядам, по их языку тела я точно понимаю, что они думают обо мне.

Грязная.

Потрепанная.
Никчемная.
И они не ошибаются.

Глава 2

Рэйвен

— Вы, мать вашу, издеваетесь? — бормочу я себе под нос, оглядывая двор.

Мисс Вега подходит ближе.

— Ты скоро привыкнешь.

— Что это, на хрен, за место?

— Это Брей-хаус.

— Напоминает дом Майкла Майерса¹.

Она весело смеется, потом смотрит на дом и хмурится.

— Черт, а ведь и правда! Я никогда этого не замечала.

Крыльцо просело прямо посередине (должно быть, древесина давно прогнила), на белой краске огромные трещины. Дом представляет собой идеальный квадрат, по обе стороны от двери — по маленькому окошку и по точно такому же прямо над ними, на втором этаже их разделяет жуткого вида навес.

— Он только кажется маленьким, задняя часть дома просторная.

Трейлер, где хватает места только для крошечного холодильничка, раковины и двух розеток для электрической плитки и мини-духовки, — вот что значит «маленький».

— Короче говоря, это место — дом для молодых людей, которые вот-вот переступят порог совершеннолетия, а еще для подростков, у которых проблемы со стандартной формой опекуинства. Для... «сложных» ребят.

¹ Маньяк-убийца, главный злодей серии фильмов ужасов «Хеллоин».

— Значит, здесь живет всякая шпана?

— Нет. — Мисс Вега качает головой. — *Шпана* — в местной старшей школе. По сравнению с ней это место покажется тебе раем.

— Чудесно, — бесстрастным голосом отзываюсь я.

Смиренно вздохнув, мисс Вега говорит:

— Пойдем.

Она идет вперед, волоча за собой холщовую сумку, которую одолжила мне для вещей, и мне ничего не остается, как заставить себя последовать за ней.

Когда позавчера мы подъехали к моему трейлеру, моя мать засмеялась и пригласила нас внутрь. Она сидела и курила косяк — с моей, между прочим, травкой — прямо перед работником соцслужбы и даже предложила мне помочь собрать вещи. Я была на все сто уверена, что она распахнется и попытается надрать мне задницу (или позволит сделать это своему фавориту этой недели), как происходило всякий раз, когда меня отстраняли от учебы или выгоняли из очередной школы. Она понимала, что если вмешаются социальные службы, то ее лишат пособия, а не будет пособия — не будет «халявных» наркотиков, и ей придется зарабатывать на них, лежа на спине несколько лишних часов. В чем и была проблема: главная проститутка трейлерного парка Гейтвей любила дорогой порошок.

Я сразу поняла, почему ей было наплевать, что вместе со мной приехал соцработник. Черт, да ведь мать говорила с этой женщиной так, словно знала ее всю свою жизнь, — развязно, с ненавистью и мерзкой улыбочкой на лице. Самое страшное, что могло произойти в случае, если бы на мать донесли, — она бы провела пару дней в тюрьме, что для нее ничего не значило, там уже хорошо ее знали. Если верить моей матери, в округе дозу найти гораздо легче, чем за его пределами, а здесь ее услуги были востребованы. Тем более что она не делала различий по половому признаку: «Деньги от женщины тоже не пахнут».